

*Е.А. Прусская**

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА В ЕГИПТЕ О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ (1798–1801)

Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет (1798–1801) стала важной вехой в истории Старого Света, положив начало эпохе европейской колонизации стран Ближнего Востока и Магриба. К концу XVIII в. Египет и Сирийско-Ливанский регион едва ли можно считать совершенно неизведанным для европейцев, поскольку многочисленные путешественники – англичанин Р. Пококк, француз Ф. де Тотт и др. – описали его довольно подробно¹. В частности, вышедшие непосредственно перед экспедицией Бонапарта произведения К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея² позволили ее участникам, еще находясь во Франции, составить себе определенное представление о стране, являвшейся целью их похода. Египет предстал в сочинениях обоих этих авторов богатой османской провинцией, пришедшей в упадок из-за бездарного управления мамлюков, победить которых для европейцев не должно составить особого труда³. Особенно увлекательно, в романтическом духе, описывал Египет Савари.

Однако по прибытии в Египет участники экспедиции столкнулись с разительным несоответствием воображаемого ими Востока и реальности: их поразили общая бедность населения и упорное сопротивление жителей французской оккупации. Один из участников похода, капитан Рози (Rozis) писал другу: «Мы обитаем в стране, которая всем не нравится до смерти. Если бы армия знала это до отправления из Франции, никто бы из нас не сел на корабль и предпочел бы миллион раз смерть тем невзгодам, которые выпали на нашу долю»⁴. Из-за трудностей, вызванных тяжелым для европейцев климатом, враждебностью местных

* *Евгения Александровна Прусская, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.*

¹ Подробнее см. *Carré J.-M. Voyageurs et écrivains français en Egypte. Genève, 2006; Куделин А.А. Подход европейских путешественников XVII–XVIII веков к описанию стран Ближнего Востока // Цивилизация, государство и общество Евразии: вчера, сегодня, завтра. М., 2009. С. 143–153.*

² *Savary C.-E. Lettres Sur L’Egypte, Ou l’on offre le parallele des moeurs anciennes & modernes de ces habitans, ou l’on decrit l’etat, le commerce, l’agriculture, le gouvernement du pays, & la desente de St. Louis a Damiette, tiree de Joinville & des Auteurs Arabs, avec des Cartes Geographiques. P., 1785–86. 3 vols.; Volney C.-F. Voyage en Syrie et en Égypte pendant les années 1783, 1784 et 1785. 2 vols. P., 1787.*

³ Подробнее см. *Прусская Е.А. Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.Ф. Вольнея в конце XVIII века // ВИ. 2012. № 1.*

⁴ *Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. Vol. 2. L., 1799. P. 213.*

жителей и непривычными условиями обитания, боевой дух армии начал быстро падать. Командование пыталось поддерживать его активной пропагандой, главным рупором которой стала армейская пресса. Так в Египте появилась первая в его истории периодика — газета *Courrier de l'Égypte* и журнал *La Décade Égyptienne*⁵.

Газета служила для информирования находившихся в Египте французов о новостях в мире и в оккупированной стране. Журнал же освещал вопросы литературы, политической экономии и научные изыскания Института Египта, который собственно и готовил его выпуски. Эти издания выходили исключительно на французском языке, то есть не были рассчитаны на местное население. Для последнего первоначально планировалось издание газеты на арабском языке, но эта идея так и не была реализована⁶. И *Courrier*, и *Décade* должны были служить сплочению деморализованных участников экспедиции и поддержанию их боевого духа, а потому образ Востока, формировавшийся на их страницах, неизбежно обладал определенной спецификой. О том, каким именно он был, и пойдет речь в этой статье.

* * *

Высоко ценя роль прессы в деле пропаганды, Бонапарт к моменту похода в Египет уже имел опыт издания газет и журналов на завоеванных территориях: в Италии под его патронажем выходили *Courrier de l'Armée d'Italie* и *La France vue de l'Armée d'Italie*, на Мальте — *Journal de Malte, feuille nationale, politique, morale, commerciale et littéraire*⁷. Эти газеты, помимо информационной, выполняли и другие задачи, а именно, как пишет английский историк А. Форрест, — «объединить войска, поднимая в то же время репутацию Бонапарта как героя и патриота, лидера, гения, понимающего своих солдат и пользующегося их доверием»⁸. Эту же модель генерал решил воспроизвести и в Египте.

Изначально в Египте было открыто две типографии: официальная под руководством Жана-Жозефа Марселя и частная — Марка Ореля. Однако со временем последний договорился с Бонапартом о продаже своего дела, и в Египте осталась только «Национальная типография» Марселя, объединившая обе первоначальные⁹.

⁵ Подробнее см. *Wassef S.A. L'information et le presse officielle en Égypte. Le Caire, 1975. P. 23—48; As-Sawi Ahmad Hussein. Фаджр ал-сахафат фи Миср. Дирасат фи-л-'илиям ал-хамлят ал-фарансия. Каир, 1975.*

⁶ *Ibid.* P. 109—119.

⁷ Подробнее см.: *Hanley W. The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796—1799. N.Y., 2002.*

⁸ *Forrest A. Napoleon's men: the soldiers of the revolution and empire. N.Y., L., 2006. P. 33.*

⁹ Типография несколько раз меняла названия и местоположение. Подробнее см.: *Wassef S.A. Op. cit. P. 23—48.*

Courrier de l'Égypte выходил с августа 1798 г. (до июля 1799 г. — в типографии Марка Ореля) по июнь 1801 г.: всего увидело свет 116 выпусков. Инициатива создания газеты исходила от Бонапарта, который лично контролировал ее работу, вплоть до подбора редакторов¹⁰. Каждый номер включал в себя 4 страницы, по две колонки текста на каждой. Периодичность выпуска постоянно менялась: первые шесть номеров выходили раз в четыре дня, затем, в зависимости от обстоятельств, появлялось от двух до пяти выпусков в месяц¹¹. Содержание газеты отличалось разнообразием и не было сколько-нибудь четко структурировано: там публиковались ежедневные приказы (*ordre du jour*) командующего армией, сводки о французских кампаниях в Египте и Сирии, международные новости (иногда целые выпуски были посвящены только им), официальная переписка с Директорией, обращения к членам Дивана Каира, письма членов Дивана, описания торжеств, объявления о заседаниях Института Египта, материалы Института об изучении страны, заметки об обычаях местных жителей, отрывки из европейских газет и сочинений европейских путешественников по Востоку и т.д.

Courrier отражал официальную точку зрения высшего командования Восточной армии, а потому события в нем освещались достаточно тенденциозно. По наблюдению египетского историка Сами Амин Вассефа, концепция издания менялась при разных командующих: «Если в периоды Бонапарта и Мену газета сообщала исключительно об их деятельности и в большинстве статей описывались только благодеяния их администрации, то в период Клебера о самом командующем, надо признать, практически никогда не упоминалось»¹². Кроме того, при Клебере, который сменил главного редактора Ж.Б.Ж. Фурье¹³ на Р.-Н.Д. Деженетта¹⁴, газета, отмечает Вассеф, стала разнообразнее: больше внимания стало уделяться описанию памятников Древнего Египта и обычаев египтян, сами статьи стали информативнее¹⁵. В период правления Мену эта тенденция продолжилась: в газете публиковалось множество описаний достопримечательностей Египта и нравов его жителей, а также — довольно много стихотворений, сочиненных участниками экспедиции. Несмотря на все эти перемены, *Courrier* на протяжении всего периода его суще-

¹⁰ 10 Ibid. P. 50.

¹¹ Ibid. P. 53, 79–82.

¹² Ibid. P. 74.

¹³ Жан Батист Жозеф Фурье (1768–1830) — французский математик и физик. Во время Египетской экспедиции был членом Комиссии наук и искусств армии Востока, постоянным секретарем Института Египта, одно время входил в состав Дивана Каира.

¹⁴ Рене-Николя Деженетт (1762–1837) — французский военный врач, во время Египетской экспедиции был главным врачом армии и членом Института Египта.

¹⁵ Ibid.

ствования и при всех командующих был нацелен, прежде всего, на создание позитивного образа французов в Египте и на поддержание боевого духа солдат.

Пропаганда в *Courrier* предназначалась для самих французов. Материалы газеты подбирались таким образом, чтобы показать солдатам, оторванным от родины и привычных условий жизни, сколь высоко их деятельность оценивается как самими египтянами, так и международной общественностью: в газете помещались благодарственные письма от представителей арабской элиты, речь английского парламентария Дандаса о важных последствиях завоевания Египта французами и об опасности, которой чревато это событие для англичан¹⁶, другие новости из сопредельных и европейских стран. В то же время о военных неудачах французов *Courrier* ничего не писал: ни о поражении от англичан в морском сражении при Абукире, ни о печальном исходе Сирийской кампании. Напротив, победы всегда подробно описывались и восхвалялись.

* * *

Другое периодическое издание французов, *La Décade Égyptienne*, впервые увидело свет в октябре 1798 г. и должно было выходить раз в десять дней на четырех страницах in-4°, как объявили сами издатели. Затем был выпущен сборник в трех томах, объединивший эти выпуски: первый том вышел 15 сентября 1799 г., второй — 17 мая 1800 г., третий — 31 марта 1801 г., и именно в таком виде журнал дошел до нас. Как уже отмечалось, это было издание Института Египта, где публиковались результаты проведенных его членами исследований. Изначально редакторами журнала были Бонапарт, Ж.Л. Тальен¹⁷ и Деженетт¹⁸. Первый том сборника был посвящен Бонапарту, второй — Клеберу, третий — Мену. В предисловии к первому тому Тальен пишет о содержании и целях этого издания: «Журнал, который мы представляем, будет исключительно литературным. Никакие новости и политические дискуссии не найдут себе здесь места; но всё, что относится к области науки, искусства, торговли и связанным с ними аспектам, общим и частным, к законодательству гражданскому и уголовному, институтам морали и религии, будет собрано с усердием. Цель, которую мы преследуем — познакомить с Египтом не только французов, которые здесь находятся в данный момент, но и Францию, и

¹⁶ *Courrier de l'Égypte*. № 85. 30 vendémiaire IX an (1800. 22 octobre); № 86. 6 brumaire IX an (1800. 28 octobre).

¹⁷ Жан Ламбер Тальен (1767–1820) — деятель Французской революции, одна из ключевых фигур термидорианского переворота, член Института Египта во время экспедиции.

¹⁸ 18 Ibid. P. 84.

Европу»¹⁹. Таким образом, *Décade* предназначалась не только для французских экспедиционных сил, но и для более широкой читательской аудитории, в частности, в Европе. Однако, несмотря на заявленное научное и литературное содержание журнала, в нем тоже прослеживается политическая ангажированность: по выражению Вассефа, *Décade* вел «закамуфлированную пропаганду»²⁰: наряду с исследовательскими статьями, в журнале печатались стихи в честь Ю. Сулковского, адъютанта Бонапарта, убитого во время первого Каирского восстания, ода сирийца Никулы ат-Турка в честь французов (о ней будет подробно сказано ниже) и другие тексты, несущие скрытую пропаганду.

* * *

Образ Востока, который формировали французские издания в Египте, во многом являлся частью официальной пропаганды, направленной на участников экспедиции. Последнее относится, прежде всего, к *Courrier*. Так, в первом выпуске газеты от 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798 г.) была опубликована заметка из Аккры (Saint Jean d'Acres) от 20 июля, написанная якобы от лица местного жителя: «Когда мы узнали о прибытии французов в Каир, то были очень взволнованы. Сообщали, что они убили всех мусульман, разрушили все мечети и увезли на Мальту в рабство остальное население. Однако с тех пор, как мы прочитали их прокламации и узнали, что они не только защищают религию мусульман, но и любят ее, предпочитая ее догмам христианства, наши страхи рассеялись. Если они защищают религию и если они пришли только для того, чтобы сокрушить тиранов, пусть Бог поможет их войскам». Вероятно, именно такую реакцию местного населения, как в Египте, так и в Сирии, мечтал увидеть французский командующий. Однако на деле, отмечает российский историк Д.Р. Жантиев, «Бонапарт недооценил политическую ситуацию и настроения местного населения» в Сирии и, в результате, не получил там широкой поддержки, на которую рассчитывал, ни среди мусульман, ни среди христиан²¹. Потому весьма сомнительно, чтобы население, а тем более правитель города Ахмад ал-Джаззар²², который через год успешно отразит наступление армии Бонапарта, могли подобным образом реагировать на вторжение французов в Египет. Оче-

¹⁹ La Décade Égyptienne. Le Caire, 1798–1799. Vol. 1 P. 6.

²⁰ Wassef S.A. Op. cit. P. XII.

²¹ Жантиев Д.Р. Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 76–77.

²² Ахмад-паша ал-Джаззар (1720–1804) – губернатор (паша) нескольких сирийских провинций Османской империи. Фактически был самостоятельным правителем этих земель, лишь номинально зависевшим от Порты. Центром его владений был порт Аккра. Получил прозвище «Джаззар» («мясник») за свою жесткость.

видно, этот пассаж *Courrier* отражает скорее желания Бонапарта, нежели действительность, и написан для воодушевления французских солдат.

Подобных примеров на страницах *Courrier* множество: часто в журнале публиковались обращения шейхов Дивана к шерифу Мекки, к главнокомандующему, к населению Египта и т.д. Все эти письма выражали дружелюбие и благодарность шейхов по отношению к французам.

Так, в первом подобном письме к шерифу Мекки, опубликованном в № 6 от 2 дополнительного дня VI года Республики (18 сентября 1798 г.) египетские шейхи сообщали ему о приходе французов и их победах над мамлюками, в одобрительном тоне отзываясь о политике французской администрации и, в частности, командующего армией по облагораживанию Каира, о его заботливом отношении к каравану паломников и подчеркивая, что «французы, в большинстве своем, преисполнены почтения к нашему Пророку и Книге нашего священного закона и многие из них даже признают преимущество исламизма²³ по сравнению с другими религиями». В своих обращениях к египетскому населению, опубликованному в № 14 от 10 брюмера VII года (31 октября 1798 г.) члены Дивана, призывая население не поддаваться на провокации со стороны зачинщиков восстания, называют Бонапарта «личным защитником бедных». В письмах Дивана к Бонапарту и Мену шейхи также рассыпаются в комплиментах командующим и всячески выказывают одобрение их действий²⁴. А в письме, опубликованном в № 91 от 15 фримера IX года (6 декабря 1800 г.), шейхи обращаются к первому консулу Бонапарту с пожеланиями дальнейших побед и с надеждой, что он когда-нибудь снова посетит Египет. Письмо исполнено восхищения и изобилует похвалами в адрес Бонапарта.

Все эти письма, несомненно, писались под контролем, а зачастую и под диктовку французов. Так, египетский хронист Абд ар-Рахман ал-Джабарти и сирийский поэт Никула ат-Турк, находившийся тогда в Египте, отмечают в своих сочинениях принудительный характер составления писем и прокламаций, печатаемых и распространяемых от имени Дивана: «французы заставили шейхов написать и отправить письма султану и шарифу Мекки»²⁵, «по требованию французов ему [посланию] придали форму обращения руководителей Дивана к народу»²⁶, «Фурье приказал членам Дивана написать верховному главнокомандующе-

²³ Распространенный в то время термин, наряду с «магометанством» для обозначения религии ислама.

²⁴ См. № 91, 96, 99, 101 и др.

²⁵ *Ал-Джабарти Абд Ар-Рахман*. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Перевод, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 93.

²⁶ Там же. С. 156.

му письмо с пожеланием благополучия»²⁷, «он [Бонапарт] написал для них [членов Дивана] образец письма, который надо было отпечатать по-арабски и по-французски и разослать по областям Египта. Они выполнили его *приказ*»²⁸ и т.д. (курсив мой — *Е.П.*). То, что эти обращения публиковались затем и в *Courrier*, доказывает, что Бонапарт, а вслед за ним и Мену²⁹, старались, чтобы в миф о преданности египтян французам поверили не только жители арабского Востока, но и французские войска, сталкивавшиеся с сопротивлением местного населения, его презрительным отношением к ним и восстаниями.

Этой же цели служили и обращения командующих к Дивану и прокламации к населению Египта, также публиковавшиеся в *Courrier*, где описывались благие дела французов, давались заверения в дружбе и предостережения от непослушания, за которым последовало бы жесткое наказание³⁰. Очевидно, эти документы должны были усилить уверенность французских войск в своей силе и лояльности к ним египтян.

Образ жителей Египта как благодарных друзей французов постоянно появляется на страницах *Courrier* не только в вышеприведенных документах, но и в обычных статьях и заметках газеты. Особенно стоит отметить описания праздников. Французы уделяли большое внимание организации торжеств, как религиозных, так и светских, как своих собственных, так и египетских. Помимо обязательного отмечания дня Республики, французы устраивали торжества в честь своих побед. Что касается местных праздников, то оккупанты старались отмечать и традиционные египетские (праздник Нила, например), и религиозные мусульманские — день рождения Пророка, праздник разговенья, жертвоприношения и т.д. В *Courrier* излагался официальный взгляд французской администрации на эти праздники. Так, в № 1 от 12 фрюктидора VI года (29 августа 1798 г.) в описании праздника Нила автор статьи отмечает, что египтяне «возносили хвалы Пророку и французской армии, проклиная своих беев и тиранов». В отчетах о праздновании дня Республики³¹ всегда подчеркивалось присутствие местного населения на этих торжествах и его участие в них вместе с французами. В № 8 от 6 вандемьера VI года (27 сентября 1798 г.), в описании первого празднования дня Республики в Каире, подробно описаны установленные французами декорации: триумфальная арка, гирлянды и обелиск, на котором были выгравированы на арабском

²⁷ Там же. С. 386.

²⁸ *Ат-Турк Никула*. Зикр тамаллюк джумхур фарансавия ал-актар ал-мысрия ва-л-бияд аш-шамия. Париж, 1839. С. 37.

²⁹ При Клебере подобные письма не публиковались.

³⁰ См. № 23, 38, 58, 87, 97, 100, 105, 106.

³¹ См. № 8, 9, 10, 39, 82, 84.

языке надписи «Французской республики, год 7», «Изгнанию мамлюков, год 6», а в зале празднования, где был накрыт стол, французские флаги висели рядом с флагами Османской империи. Таким образом, французы хотели, чтобы этот праздник выглядел всеобщим, и *Courrier* всячески подчеркивал дружелюбие и лояльность местного населения к иноземным войскам. Однако это был очередной миф. В сочинении Никулы ат-Турка также дается описание праздника Республики, где хронист отмечает, что местные жители видели совсем другое предназначение обелиска, установленного в честь праздника: «Это — кол, которым вы нас проткнули, символ завоевания нашей страны»³². Как отмечает ат-Турк, жители очень радовались, когда спустя десять месяцев обелиск убрали.

Мотив преданности местных жителей французам красной нитью проходит через все выпуски *Courrier*. На страницах газеты французы предстают освободителями, принесшими блага цивилизации египтянам и стремящимися улучшить их жизнь, за что те им премного благодарны. В № 106 от 18 вантоза IX года (9 марта 1801 г.) утверждалось: когда английские войска стали высаживаться в Египте, местные жители заявили, что готовы разделить судьбу французов и даже предложили тем увеличить налоги (!). Очевидно, газета выдавала желания французов за действительность.

В подтверждение лояльности египтян на страницах газеты помещались заметки о том, что жители Египта помогали французам в преследовании мамлюков, называя себя при этом «французскими бедуинами»³³, восхищались достижениями французской армии³⁴, а в № 91 приводилось обращение Дивана к Бонапарту, где утверждалось, что «народ Египта и французы — есть не что иное, как одна нация».

Этот образ лояльных французам местных жителей присутствует в *Courrier* даже при описании восстаний. Так, в отчете Директории, приведенном в № 14 и 18, Бонапарт сообщал, что бунтующая «чернь» не встретила широкой поддержки у населения. Главнокомандующий подчеркивал, что «все мусульмане, работающие у французов в администрации, в полиции и даже в качестве слуг, неоднократно выказывали непоколебимую и прочную верность, несмотря на опасность для их жизни», а шейхи Дивана, которые, по его словам, с началом восстания собрались у него, «были готовы к любым действиям, которые генерал счел бы необходимыми и представляли любые сведения, которые мы у них запрашивали относительно характера жителей Каира и манеры их поведения — эти знания, приобретенные ими за долгое время, очень важны».

³² *Ат-Турк Никула*. Указ. соч. С. 45.

³³ *Courrier de l'Égypte*. N 33 от 3 thermidor VII an (1799. 22 juillet).

³⁴ *Courrier de l'Égypte*. N 20 от 18 frimaire VII an (1798. 8 décembre).

Бонапарт подчеркивает, что «вероятно, большинство из них было более расположено к французам, чем к повстанцам». Зачинщиками восстания командующий армией называет шейхов ал-Азхара невысокого положения, которые, по его мнению, завидовали шейхам, вошедшим в Диван, а последовавшие за вожаками повстанцы были обуреваемы жадной наживы, а не стремлением к какой-то конкретной цели. Очевидно, что образ верных французам египтян, представленный в отчете Директории и затем воспроизведенный на страницах *Courrier*, должен был подбодрить французских солдат, только что столкнувшихся с ожесточенным сопротивлением жителей Каира, и убедить Директорию в успехе авантюрного Египетского похода.

Из арабских же источников следует, что восстание было стихийным. Хронисты особо отмечают, что у повстанцев не было лидера. Действительно, шейхи ал-Азхара не поддержали восставших, но не потому, что были преданы французам, а потому, что ощущали себя, по словам ал-Джабарти, «связанными по рукам и ногам»³⁵, то есть понимали тщетность борьбы против отлично экипированной и подготовленной армии французов. Если официальной французской версией причины восстания было подстрекательство, то хронисты ал-Джабарти и ат-Турк называли куда более глубокие причины — налоговое бремя и неуважение французов к местным традициям³⁶.

Еще одна тенденция, проявившаяся в газете, это изображение противников французов — османов и мамлюков — исключительно в уничижительном виде. После битвы у Пирамид французская армия преследовала мамлюков как в Верхнем Египте, так и в Сирии, и поэтому те все время изображались в газете поверженными, несчастными, испытывающими нужду в изгнании, а французы, напротив, — храбрыми воинами, которые одерживают постоянные победы над мамлюками. Примечательно, что изначально французы, пришедшие в Египет как «друзья Султана», не писали в *Courrier* ничего плохого об османах. Однако как только османская армия двинулась в Египет, на страницах газеты появилась информация о слабости их армии, о разногласиях внутри нее³⁷, о плохом обращении турок с пленниками³⁸ и о беспричинной жестокости по отношению к своим же подданным³⁹. Так, в статье о продвижении османской армии по Сирии⁴⁰ говорилось, что турки вырезали местное христиан-

³⁵ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 102.

³⁶ Подробнее об отношении арабских хронистов к восстаниям см.: Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по экспедиции Бонапарта в Египет // ФЕ 2010. М., 2010. С. 288–290.

³⁷ *Courrier de l'Égypte*. N 41. 30 vendémiaire VIII an (1799. 22 octobre).

³⁸ *Courrier de l'Égypte*. N 79. 15 fructidor VIII an (1800. 2 septembre).

³⁹ *Courrier de l'Égypte*. N 40. 20 vendémiaire VIII an (1799. 12 octobre).

⁴⁰ Ibid.

ское население, чему был дан следующий комментарий: «Слепая ярость охватила визиря, в то время как наше поведение в отношении мусульман должно было бы побудить его к действиям более благоразумным и менее варварским». И это, заметим, при том, что ранее французы вырезали тысячи жителей в сирийском городе Яффа. В № 81 от 3-го дополнительного дня VIII года (20 сентября 1800 г.) появилась дезинформация о смерти великого визиря Юсуфа-паши, что подавалось как событие, сулящее перемены арабскому миру: «Предполагается, что Великий шериф Мекки, так же как и некоторые другие арабские государи, воспользуются этим моментом, чтобы полностью сбросить османское иго». Очевидно, что эта заметка должна была ободрить французских солдат, знавших о приближении армии Великого визиря.

В исключительно темных тонах изображался и Джаззар-паша, противостоявший Бонапарту в Сирии. Газета писала о нем, как о бесчестном и жестоком тиране, который собирается напасть на Египет. Сообщалось, что его солдаты дезертируют⁴¹, что население его не поддерживает⁴² и что Джаззар распространяет слухи о жестокости французов, хотя сам жестоко и несправедливо обращается с паломниками, отказавшимися от его помощи⁴³. На его фоне французы, оказавшие содействие паломникам, выглядели особенно выигрышно.

Как отмечает Сами Вассеф, для повышения боевого духа армии Бонапарт побуждал редакторов *Courrier* публиковать статьи, описывавшие богатство и красоту покоренной французами страны⁴⁴. Так, в № 20 от 18 фримера VII года (8 декабря 1798 г.) приводится письмо арабского военачальника Амра бен-ал-Адса халифу Омару о Египте, прославляющее плодородие и прекрасные пейзажи страны. Этот же мотив звучит и в других номерах газеты, так же, как и мысль, высказанная еще в «Путешествии» Вольнея, — что при разумном управлении Египет будет процветать, а его правители получают от этого большую выгоду. В № 17 от 30 брюмера VII года (20 ноября 1798 г.) редактор *Courrier* в статье под заголовком «Каир 28 брюмера VII года» пишет: «Даже наши враги признают, что Египту суждено стать богатейшим центром торговли на земле, что надежная администрация, сменившая незаконный и грабительский режим мамлюков, должна поднять страну на высший уровень благоденствия и что Франция, значительно повысив достаток жителей, обнаружит там неиссякаемые источники богатств»⁴⁴.

⁴¹ *Courrier de l'Égypte*. N 25. 3 pluviôse VII an (1799. 22 janvier).

⁴² *Courrier de l'Égypte*. N 26. 10 pluviôse VII an (1799. 29 janvier).

⁴³ *Courrier de l'Égypte*. N 35. 19 thermidor VII an (1799. 6 août).

⁴⁴ *Wassef S.A.* Op. cit. P.54.

Надо заметить, что идеи Вольнея звучали со страниц *Courrier* не только в интерпретации издателей газеты, но и в его собственном изложении: в двух выпусках были опубликованы размышления этого философа о завоевании французами Египта, ставшие логическим продолжением его «Путешествия»⁴⁵. Предваряя эту публикацию, редактор газеты отмечал, что французы сами «смогли убедиться в правоте и прозорливости Вольнея». Собственно же тексты Вольнея содержали славословия Бонапарту и хвалу успехам французской армии, которые «вернули арабам славу их предков», позволили навести порядок в Египте и стали предметом зависти ведущих держав. Вольней рисовал утопическую картину предстоящих побед этой армии, которую будут приветствовать восточные народы и которой покорится вся Азия и Африка.

* * *

В отличие от *Courrier*, в *Décade* пропаганда носила не столь откровенный характер. Тем не менее, несмотря на сугубо научные цели журнала, в нем также прослеживается определенная тенденциозность – в некоторых публикациях и в общем настроении издания.

Самым ярким примером этой тенденциозности, пожалуй, можно назвать публикацию «Арабской оды завоеванию Египта, переведенной гражданином Ж.-Ж. Марселем», уже упоминавшемся типографом⁴⁶. О создателе произведения, Никуле ат-Турке, Марсель сообщает лишь: «Автор этой оды именуется себя *Niqoula el-Tourq, ebn Yousef Esttanbouly*, он родом из Бейрута и, как мне кажется, имеет литературные познания более глубокие и обширные, чем я встречал здесь у кого-либо из местных»⁴⁷. Перед публикацией перевода Марсель отмечает важность литературы и поэзии для арабского общества и высоко оценивает литературные достоинства этого произведения⁴⁸. Он не сообщает, каким образом текст оды попал к французам.

Никула ат-Турк был придворным поэтом при дворе ливанского эмира Башира II Шихаба и жил не в Бейруте, а в городе Дейр-эль-Камар в Горном Ливане. Когда французы прибыли в Египет, ат-Турк был откомандирован туда в качестве шпиона, чтобы следить за их действиями⁴⁹. Некоторые исследователи (Исса Маалюф, Луис Шейхо) считают, что Никула ат-Турк был секретарем при экспедиции Бонапарта, однако

⁴⁵ *Courrier de l'Égypte*. N 33. 3 thermidor VII an (1799. 21 juillet); № 34. 12 thermidor VII an (1799. 30 juillet).

⁴⁶ *La Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 83–96.

⁴⁷ *Ibid.* P. 83, note 1.

⁴⁸ *Ibid.* P. 86.

⁴⁹ Подробнее о Никуле ат-Турке см.: *Haddad G.M. The Historical Work of Niqula El-Turk (1763–1828) // Journal of the American Oriental Society*. 1961. Vol. 81. No. 3 (Aug. – Sep.); *Weyergang M.E.*

переводчик хроники ат-Турка о пребывании французов в Египте М. Дегранж указывает, что поэт не знал французского языка. В Египте ат-Турк жил в Дамьетте, где фиксировал события экспедиции и по возвращении в Ливан написал хронике «Воспоминания о господстве французов в Египте и странах Шама»⁵⁰, которая была опубликована Дегранжем в 1839 г. вместе с французским переводом. В это издание вошли также оды Бонапарту и Клеберу, причем первая очень похожа на оду, приведенную Марселем на страницах *La Décade*, хотя и не тождественна ей. Возможно, это две редакции одного стихотворения.

В тексте оды, напечатанной в журнале, действительно восхваляется приход французов и отвага Бонапарта в боях. Марсель переводит ее в стихотворной форме, вдохновенно и красочно. Несомненно, включение ее в *Décade* должно было произвести благоприятное впечатление на читателей журнала, показать им, что население Востока с радостью относится к их пребыванию в этой стране. Однако произведение не отражало реального отношения к французам большинства жителей Египта. Никула ат-Турк, хотя и разделял, по выражению немецкого историка Т. Филиппа, общую картину мира, «типичную для традиционного общества Ближнего Востока того времени»⁵¹, но все же он как ливанский христианин в культурном и религиозном отношении был достаточно далек от мусульман Египта, а потому не воспринимал французскую оккупацию с таким трагизмом, как, например, египтянин ал-Джабарти⁵². Кроме того, важно помнить, что его ремеслом была поэзия, и себе на жизнь он зарабатывал панегириками в честь властей предрержащих, а потому услышать из его уст хвалебную оду еще и в адрес французов ничуть не удивительно.

Таким образом, французская пропаганда на страницах обоих изданий формировала наиболее «комфортный» для завоевателей образ покоренных стран, сообщая о радушном отношении и бесконечной благодарности жителей Египта и Сирии к французам, с одной стороны; о жестокости и тирании мамлюков и османов при их общей военной слабости – с другой. Все это отвечало цели сплочения и воодушевления французских войск, находившихся вдали от дома, в чужом и враждебном им обществе.

Niqula al-Turk as a source on the French Occupation of Egypt. Thesis for the Master of Arts Degree. American University in Cairo, 1985.

⁵⁰ *Ат-Турк* Никула. Указ. соч.

⁵¹ *Philipp Th.* The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / Ed. by D. Creelius. Los Angeles, 1990. P. 140.

⁵² Подробнее о сравнении сочинений ал-Джабарти и ат-Турка см. *Marsot A.L.S.* A Comparative Study of Abd al-Rahman al-Jabarti and Niqula al-Turk // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources/ Ed. by Daniel Creelius. Los Angeles, 1990; *Philipp Th.* Op. cit.; *Прусская Е.А.* Арабские хроники.

* * *

И в *Courrier* и, в особенности, в *Décade* довольно подробно говорится о географии Египта и отдельных его частей, об их природе и климате. Зачастую это — детальные научные описания, не имеющие прямого отношения к нашей теме.

Гораздо больший интерес для нас представляют этнографические характеристики населения Египта, его этнического и религиозного состава. Ни в том, ни в другом изданиях не выходило какой-либо отдельной статьи, посвященной общей характеристике народов этой страны. Тем не менее, и там, и там встречаются статьи и заметки об отдельных группах местного населения. Как правило, такие статьи посвящены какому-либо региону и речь идет именно о его жителях. Зачастую подобные тексты публиковались в сокращенном виде в *Courrier*, а в полном — в *Décade*.

Поскольку в изданиях не давалось изображения общей этнической картины страны, то не было и четкого разграничения и определения понятий «египтянин», «араб» и «бедуин». В обоих изданиях публиковались подробные описания отдельных кочевых племен, помимо них упоминалось также о коптах, нубийцах и магрибинцах. Остановимся подробнее на описании французами этих этнических групп.

В статье Сулковского⁵³, опубликованной в *Décade*, бедуины описываются как «преобладающая каста этой страны»⁵⁴, которая живет на окраинах деревень и предпочитает пустыни. Однако автор говорит лишь о тех племенах, что живут в восточной части Дельты. По мнению Сулковского, «эти арабы» производят впечатление наиболее богатых из всех, что он видел в Египте, поскольку, помимо того, что они занимаются скотоводством, земледелием и сопровождением караванов, они еще и промышляют грабежом. Достаток этих бедуинов, по мнению Сулковского, влияет на их мораль: «Они поддерживают отношения с мамлюками и заботятся о жителях, прибегают к насилию, только когда коварства оказывается недостаточно, и не считают зазорным спастись от опасности бегством»⁵⁵. Эта «трусость», как он пишет, поразила французов, ведь бедуины Роззеты проявляли смелость в боях с французами.

В № 21 *Courrier* от 25 фримера VII года (15 декабря 1798 г.) также упоминалось о бедуинах провинции Бухайра за западе Дельты как о разбойниках и людях вероломных, поскольку они нарушили мир, только что заключенный с французами. В № 8 от 6 вандемьера VII года (27 сентября 1798 г.) сообщалось, что одной из задач, стоящих перед французами яв-

⁵³ Юзеф Сулковский (1773–1798) — адъютант Бонапарта, поляк по происхождению.

⁵⁴ La *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P. 25.

⁵⁵ Ibid. P. 26.

ляется избавление земледельцев Египта от постоянной угрозы ограбления арабами-кочевниками.

В *Décade* генерал А.Ф. Андреосси⁵⁶, описывая племена Вади Натрона на западе Дельты, провел различие между арабами кочевыми и оседлыми. Первых, пишет он, называют «арабами шатров» (*Arabes des tents*), вторых — «арабами стен» (*Arabes des murailles*). Последние «являются бывшими кочевыми арабами, которые, придя в земледельческие области, сначала поселились в шатрах и понемногу стали учиться строить такие же жилища, какими пользуются феллахи в Египте»⁵⁷.

Между собой различались племена не только кочевых арабов, но и земледельческих тоже. Так, Сулковский отмечал, что живущие в провинции Шаркия феллахи не столь угнетены, как те, что живут по берегам Нила, ибо первые пребывают вдали от своих тиранов — мамлюков, а потому их хозяйство процветает⁵⁸.

Мамлюки в обоих изданиях характеризуются как деспоты и тираны, ценящие лишь роскошь и мешающие развитию Египта. В № 3 *Courrier* от 20 фрюктидора VI года (6 сентября 1798 г.) говорилось, что мамлюкам Ибрагим-бея, привыкшим жить ни в чем не нуждаясь, а теперь скрывающимся от французов, непривычно и трудно вести такой образ жизни, какой ведут арабы. В № 9 от 10 вандемьера VII года (11 октября 1798 г.) упоминалось, что мамлюки распускают слухи, будто бы французы едят людей, чтобы настроить население против иноземцев. Через все материалы газеты красной нитью проходит мысль, что при мамлюках местному населению жилось очень плохо, а французы обеспечили ему безопасность и путь к процветанию. Образ мамлюков носил исключительно негативный характер и также использовался в целях пропаганды.

Еще одной группой населения, которая довольно часто упоминается в обоих изданиях, являются копты. Их изображали как людей невежественных и угнетаемых. Так, в заметке Г. Ле Пера⁵⁹ (№ 40 от 20 вандемьера VIII года — 12 октября 1799 г. и № 41 от 30 вандемьера VIII года — 22 октября 1799 г.) о монастыре Св. Макария сообщалось, что там живут, в основном, слепые и хромые монахи, которые показались ему «нечистоплотными и очень невежественными». Ле Пер явно не одобряет их образ жизни: «Это ужасное место, которое изначально

⁵⁶ Антуан Франсуа Андреосси (1761–1828) во время Египетской экспедиции находившийся на Востоке в 1798–1799 гг. руководил понтонерами, затем был администратором провинции Шаркия. Участвовал в Сирийском походе.

⁵⁷ *La Décade Égyptienne*. Vol. 2. P. 114.

⁵⁸ *Ibid.* Vol. 1. P. 26–27.

⁵⁹ Гратьен Ле Пер (1769–1826) — сподвижник Бонапарта, во время Египетской экспедиции был инженером по строительству мостов и дорог.

служило убежищем для первых христиан во время гонений на церковь, теперь стало жилищем холостяков, чье усердное тупоумие держит их там взаперти».

Андреосси в *Décade* также сообщает об этом монастыре и столь же скептически описывает монахов как «людей либо истово верующих, либо робких, которые хотели отдалиться от остальных, но по необходимости имея с ними дело, вынуждены были использовать в своих интересах их сострадание и доверчивость»⁶⁰. Андреосси также подчеркивает бедность монахов и то, что всё в монастыре содержится в беспорядке и нечистоплотности. Он отмечает, что монахи очень боятся арабов, а потому, когда те приходят, ворота монастыря перед ними не открываются. Однако, будучи обязаны кормить арабов и их лошадей, монахи спускают им со стены на веревке корзины с провизией и фуражом. По словам Андреосси, угнетенные и постоянно живущие в страхе копты этого монастыря спрашивали французов: «Когда же вы перебеете мусульман?»⁶¹ Вообще, тема напряженности в отношениях между христианами и мусульманами не раз поднималась на страницах *Décade*, поскольку французское присутствие в Египте спровоцировало обострение там религиозной ситуации⁶². Однако французы изображали это напряжение как имманентно присущее исторически сложившимся межконфессиональным отношениям в этой стране.

В другой статье⁶³ – П.С. Жирара⁶⁴ – говорилось о занятиях коптов. Автор отмечал, что арабы после завоевания Египта поручили тем вести кадастры. Копты же, осознав, что это единственный род деятельности, которым они могут заниматься, и что в них нуждаются именно в этой области, далеко преуспели в деле межевания земель и раскладки налогов, а потому при каждом бее имеется свой чиновник-копт (*sous-intendant*). Более того, по мнению Жирара, копты зачастую злоупотребляют своим положением с целью увеличения собственных доходов: «Используя невежество феллахов, привлекая к соучастию в незаконных барышах большинство шейхов деревень и часто обеспечивая себе безнаказанность посредством подарков, они нашли возможность поднять свой доход до четвертой части от взимаемых ими налогов»⁶⁵. Также он отмечает, что в городах Гирга, Фаршут и Кена копты занимаются ткачеством и выделкой

⁶⁰ La *Décade Égyptienne*. Vol. 2. P. 95.

⁶¹ Ibid. Vol. 2. P. 116.

⁶² Подробнее см.: *Кобищанов Т.Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М., 2003. С. 191–219.

⁶³ La *Décade Égyptienne*. Vol.3. P. 27–95.

⁶⁴ Пьер Симон Жирар (1765–1836) – французский физик, во время Египетской экспедиции был инженером мостов и дорог.

⁶⁵ Ibid. P. 77.

драгоценных металлов, подчеркивая, что «здесь так же, как и в Европе, усердие тоже является делом тех, кто гоним властями за свои религиозные убеждения»⁶⁶.

В № 47 от 10 фримера VIII года (1 декабря 1799 г.) приводилось письмо медика М. Пюнье (Pugnet), который после обследования памятников Фив и Дендеры пришел к выводу, что жители Древнего Египта являлись потомками эфиопов и даже долгое время сохраняли их религию и обычаи.

* * *

Как уже отмечалось выше, французская администрация старалась обернуть себе на пользу религиозные чувства большинства египтян и провозглашала себя защитницей ислама. В *Courrier* и *Décade* мы видим не только примеры подобной религиозной демагогии, но и находим оценки французами этой религии и отражение их представлений о ней.

В № 76 от 18 термидора VIII года (6 августа 1800 г.) дается в связи с описанием празднования дня рождения Пророка довольно подробная характеристика ислама как религии и краткая биография Мухаммада. Последнего автор статьи описывает следующим образом: «Какими бы ни были наши религиозные взгляды, Магомет должен рассматриваться как человек выдающийся для своего века и среди своих соотечественников и достойный, благодаря своему гению, просвещенности и отваге, восхищения последующих поколений. Рожденный среди людей невежественных и суеверных, он смог оценить власть и могущество религии; поставив себя между Создателем и человеком, он смог заменить догмой о единстве Бога массу идей и нелепых обычаев людей Востока».

Подобное суждение о Мухаммаде вполне было характерно для своего времени. Как отмечает бельгийский историк Дирк ван дер Крюйс, если в Средние века Мухаммад изображался в Европе исключительно как лжец, то в век Просвещения его образ воспринимался уже сквозь призму тех вопросов, которые волновали западное общество, и в сочинениях того времени он предстает уже не только как лжепророк, но и как философ и ловкий политик⁶⁷.

В этом же выпуске *Courrier* рассказывается о семи основных положениях (points fondamentaux) ислама, причем первые три называются догматическими (формула «нет бога, кроме Аллаха», принцип воздаяния после смерти, предопределение), а последние четыре — практическими (молитва, милостыня, пост, паломничество в Мекку). Автор статьи явно путает и смешивает пять столпов ислама (культовых предписаний) и

⁶⁶ 66 Ibid. P. 83.

⁶⁷ Orient et Lumières. Actes du colloque de Lattaquié (Syrie). Grenoble, 1987. P. 85–96.

шесть столпов веры (догматика). Не совсем понятно, почему он выделяет именно семь вышеназванных позиций, и откуда он мог получить подобные сведения. Впрочем, в газете упоминается, что знания о Коране были почерпнуты из бесед с турками.

О Коране сообщается, что он является источником множества «моральных заповедей» и предписаний, которые необходимо соблюдать (отказ от алкоголя и ростовщичества, разрешенное количество жен, права наследования). С одобрением и явно под влиянием преобразований в семейной сфере, осуществленных Французской революцией, автор статьи отзывается о возможности развода, который «дозволяет исправить то насилие над законами природы, которым нередко является брак». Однако сведения о предписаниях Корана изложены кратко (хотя автор и сообщает, что ему известно много больше), а о самой священной книге ничего не сказано. Такую лаконичность автор объясняет следующим образом: «Иногда, дабы получить правильное представление, бывает полезно поставить вместе в кратком виде ряд фундаментальных принципов той доктрины, что нередко оказывается изложена без всякого порядка». Очевидно, автор статьи не имел достаточно систематизированного представления об исламе, а потому его рассказ выглядит довольно путаным. Главным же, на его взгляд, является то, что «для величия мусульман особенно пагубной оказалась догма предопределения, которая побуждает их пренебрегать приобретением тех знаний, что дают нам столь большое преимущество над ними во всех сферах». То есть техническая и военная отсталость египтян связывалась именно с исламом.

На страницах *Courrier* встречается еще несколько сюжетов, связанных с религией мусульман. Так, в № 56 от 13 плювиоза VIII года (2 февраля 1800 г.) приводится ответ шейхов Дивана на вопрос Мену о том, разрешает ли ислам дервишам ходить голыми по улице. Шейхи объяснили, что это противоречит религии, после чего последовал приказ Мену об аресте подобных «святых». В № 103 от 30 плювиоза IX года (19 февраля 1801 г.) описывались религиозные обряды месяц Рамадан, причем особо подчеркивалась их строгость. В № 21 от 25 фримера VII года (15 декабря 1798 г.) приводится следующий пассаж: «Среди мусульман Каира поговаривают, что один дервиш имел откровение о разговоре, состоявшемся между Магометом и судьбой. То, с каким доверием было воспринято это откровение, побуждает нас изложить его здесь: “Когда Магомет увидел французский флот, приближающийся к берегам Египта, он пошел к судьбе и спросил: «О судьба, ты неблагодарна, я тебя сделал высочайшим властелином мира, а ты захотела отдать французам самую прекрасную из стран, подчиненных моему закону». Судьба ему ответила: “О, Магомет!

Приговор вынесен, надо, чтобы он свершился. Французы придут на землю Египта и покорят ее, у меня больше нет возможности этому помешать. Но послушай и утешься, я решила, что эти завоеватели будут мусульманами». Магомет вполне успокоился этим ответом и ушел довольный»».

Очевидно, что этот анекдот был выдуман и помещен на страницах газеты в пропагандистских целях — для убеждения французов в том, что египтяне поверили в эту историю, а значит, и для успокоения армии.

В *Décade* также довольно много пассажей связанных с исламом. Поскольку в журнале публиковались статьи французских ученых, то он отражает взгляд на ислам в духе того времени, рассматривающий религию как предрассудок. Так, ислам называется религией, исполненной «суеверий и нетерпимости»⁶⁸, а сама конфессиональная обстановка в Египте изображается накаленной — «худшее из следствий предрассудков состоит в том, что различия между конфессиями или даже между сектами делают в этих странах смертельными врагами людей, имеющих разные верования»⁶⁹. Постоянно подчеркивается пагубное влияние тех принципов, которые, по мнению французов, являются религиозными предрассудками: «Покорность мусульман судьбе мешает им противостоять жестоким бедствиям»⁷⁰.

О священной книге мусульман говорится в таком же духе: «Коран, как и Библия, и Евангелие, и Веды — содержит в себе принципы чистой морали, перемешанные с нелепыми вымыслами, на которые философия может бросить только жалостливый взгляд»⁷¹.

Корану в *Décade* посвящена небольшая статья Марселя с переводом первой сурь⁷². Как отмечает Марсель, «сын Абдаллаха⁷³ обязан своим потрясающим успехом не столько мечам его приверженцев, сколько 140 сурам или главам, которые успешно спускались с небес в течение 23 лет, соответственно обстоятельствам, для того чтобы направлять в нужном направлении невежественные умы его соотечественников». Он высоко ценит язык и поэтичность Корана, называя его «шедевром красноречия». Наверное, именно потому, что Марсель так хотел это все передать в своем переводе, сам перевод получился художественным, а не научным, достаточно далеким от текста оригинала.

⁶⁸ La Décade Égyptienne. Vol. 2. P. 186.

⁶⁹ Ibid. Vol. 2. P. 112.

⁷⁰ Ibid. Vol.1. P. 116.

⁷¹ Ibid. Vol.1. P. 124.

⁷² Ibid.

⁷³ Отец пророка Мухаммада.

* * *

Как было объявлено в № 25 *Courrier* от 3 плювиоза VII года (22 января 1799 г.), редакторы газеты ставят себе целью собрать информацию об обычаях и воззрениях египтян, чтобы читатели в Европе имели об этом представление. Действительно, периодически в газете появлялись сюжеты, рассказывающие о традициях населения Египта, причем особенно их много публиковалось в газете ближе к концу французской оккупации, в последних номерах.

Сюжеты эти были посвящены разным обычаям египтян: описывались как привычки, характерные для отдельных арабских и бедуинских племен, коих французы встретили множество, так и обычаи, характерные для всего общества, основанные на религиозных предписаниях или идущие из древности (рождение и воспитание детей, уголовное и гражданское право, семейная жизнь). Однако в описании образа жизни местного населения постоянно присутствует ощущение превосходства французов над жителями Египта – часть сюжетов подобрана таким образом, чтобы показать «дикость» и невежественность местного населения.

Так, в № 25 содержится рассказ о прибывших в Египет с караваном нубийцах, портреты которых хотел нарисовать Риго. Сначала ему пришлось долго торговаться с главой каравана, затем, когда тот все-таки пришел в мастерскую, то с ним было еще десять-двенадцать человек охраны, поскольку, по мнению французов, он явился к художнику «со всеми предосторожностями человека, который убежден, что его завлекут в ловушку». После того как нубиец увидел свой уже нарисованный портрет, он «резко отпрянул от него и издал вопль ужаса», а затем выбежал из мастерской, рассказывая всем в округе, что у него отняли «голову и половину его тела». Другие нубийцы, как следует из этого рассказа, также со страхом входили в мастерскую и не желали там оставаться. Далее описывается еще один подобный случай с написанием портрета молодой женщины, которая считала, что все изображенные на бумаге части ее тела непременно отсохнут.

Не только нубийцы, но и копты в этой статье изображены невежественными людьми, полными предрассудков. Так, отмечается, что абсолютно все портреты копты считают образами святых, поэтому, входя в мастерскую Риго, они падают ниц и целуют рисунок. Кроме того, упоминается о том, что в одной из коптских церквей находится изображение святого Михаила, борющегося с дьяволом, причем, по словам автора статьи, дьявол изображен в европейской одежде. Другим предрассудком явно считается вера в чудодейственность железного ярма, которое, по словам настоятеля греческой церкви святого Георгия, излечивает людей.

В № 81 от 3-го дополнительного дня VIII года (20 сентября 1800 г.) приводится рассказ о культе змеи в Саиде, записанный еще путешественником начала XVIII в. Полем Люка (Paul Lucas), о котором сказано, что хотя он и был легковверным человеком и зачастую преувеличивал услышанное, тем не менее, этот его рассказ можно считать правдивым. В нем повествуется о том, что в храме змеи Асмодеи дважды в год собирается множество паломников, жрецы проводят службу у алтаря, после чего женщины, не могущие зачать, остаются в храме на ночь и благодаря этому обретают исцеление. Рассказ содержит красочные, но малоправдоподобные детали самого обряда. Однако в № 83 инженер М.А. Лансере, участвовавший в научной экспедиции в Верхний Египет, выступил с опровержением, заявив, что никаких свидетельств существования такого обряда не обнаружено, а сам Поль Люка был слишком доверчив, из-за чего его рассказы имеют мало общего с истиной. Таким образом, несмотря на изначальное отношение к местным жителям как к людям, полным предрассудков, французы критически относились к информации о конкретных проявлениях подобных «суеверий» и старались фиксировать лишь те из них, в коих сами могли убедиться.

Тем не менее, «суеверия» и «дикость» жителей Египта в *Courrier* подчеркиваются постоянно. В № 56 от 13 плувиоза VIII года (2 февраля 1800 г.) автор обращает внимание на то, что предрассудки всегда главенствовали в Египте и что жители этой страны отличаются невежеством: «Суеверие, которое, чтобы не лишиться своего влияния на земле, похоже, приспосабливается к непостоянству людей, меняя им идола и алтари, воздвигло в том самом месте, где раньше почитали Анубиса, небольшую мечеть, знаменитую могилой дервиша, звавшегося эмир Абдалла, чьи так называемые чудеса вызывают 8 числа месяца Зуль-хиджа⁷⁴ большое стечение арабов и жителей Шаркии. Те, сочетая с глубокой набожностью алчность, являющуюся отличительной чертой их характера, никогда не уходят с руин Теме эль-Эмдида без того, чтобы не поискать там золота, которое, как они верят, находится внутри самых больших глыб; и они дробят их на кусочки так часто, как только могут».

Поскольку основная черта в образе местного населения, согласно *Courrier*, — это невежественность, то в газете постоянно проводится мысль о необходимости цивилизовать египтян и приобщить их к французским нравам. Так, в № 13 от 30 вандемьера VII года (21 октября 1798 г.) при описании квартала и сада Азбакия, где французы жили и устраивали всевозможные увеселения, отмечается, что благодаря такому месту, «возможно, удастся привлечь в наше общество обитателей страны и их

⁷⁴ Последний месяц мусульманского календаря.

женщин и мало-помалу привить им привычки, вкусы и моду французов». В № 89 от 30 брюмера IX года (21 ноября 1800 г.) была опубликована «Элегия на смерть генерала Дезе», написанная медиком Ж.Ж. Менуретом де Шамбо, где говорилось, что египтяне будут долго помнить Дезе, потому что он их «цивилизировал».

В № 114 от 30 флореаля IX года (20 мая 1801 г.) отмечается, что в Египте главенствует обычное право: «Египтяне считают законами множество древних обычаев, которые также долгое время практиковались во Франции под названием *lois d'arrêts* и которые являются не чем иным, как нормативными актами, отступающими от буквы права, но узаконенных обычаем». Среди таких обычаев, имеющих силу закона, называются кровная месть (описан случай, как француз, которого ранил турок, простил своего обидчика, несмотря на то, что судья решил французю нанести ответные удары обидчику), отрубание руки за воровство и убийство вора без суда, если он пойман на месте преступления, палочные удары за беспочвенные обвинения, безграничная власть отца в доме. Очевидно, что французы осознавали себя носителями более развитой культуры, в том числе в сфере законодательства, и эти примеры должны были лишней раз доказать отсталость восточного общества, где все еще действовало обычное право, от которого французы отказались в ходе Революции. Примечательно, что автор статьи подчеркнул: находясь среди египтян, арабов и евреев, особенно интересно читать Библию, поскольку действующие у них правовые нормы берут свое начало с очень давних времен и во многом сходны с описанными в этой священной книге.

Интересны оценки французами поведения и прав восточных женщин. В № 34 от 12 термидора VII года (30 июля 1799 г.) сообщается, что «обычай Востока по отношению к женщинам основаны на недоверии и подозрении». Отмечается, что жительницы Египта скромны. Так, в № 21 от 25 фримера VII года (15 декабря 1798 г.) говорилось, что когда доктор Деженет вошел на женскую половину госпиталя, «две женщины, что там работали, покрыли себя платками тотчас, как он вошел, и, когда он проходил мимо них, целомудренно отвернулись к стене». В № 116 от 20 прериаля IX года (9 июня 1801 г.) сообщалось, что жизнь обитательниц гарема состоит из частых переодеваний, поедания выпечки и танцев, а любимейшим развлечением женщин и «моментом их свободы» является поход в баню. Подробно описан процесс брака и развода: отмечается, что женщины вынуждены постоянно противопоставлять мужской силе хитрость и изобретательность. Упоминается также, что девушек, которые забеременели вне брака, зачастую по требованию их отцов или братьев бросают в воду.

На страницах *Courrier*, как уже отмечалось, встречается множество описаний различных племен и присущих им обычаев и особенностей. В № 16 от 24 брюмера VII года (14 ноября 1798 г.), описываются «племена арабов, обитающие в горах Синая и эль-Тара». Люди из этих племен приехали в Каир по торговым делам и, не доверяя французам, устроили стоянку своего каравана в месте неудобном, далеком от воды и оживленных городских кварталов. Когда же Бонапарт предложил им более выгодное место размещения, они отказались, сказав, что «сие не в их обычае». По мнению автора заметки, «этот единственный ответ может хорошо выразить недоверие, к которому беи их приучили, постоянно нарушая свое слово». Французы же, напротив, в этой заметке представлены благодетелями, обеспечивающими спокойствие страны.

В этой статье также говорится об удивлении, испытанном арабами при виде ранее не виданных ими вещей, которые вполне обыденны для французов. Так, помимо часов, что вызвали большое восхищение, сильное впечатление на вождя племени произвела миниатюра на шкатулке, рассматривая которую он воскликнул: «Йа аллах!» (О боже!). Авторы описывают и одежду этих племен, причем подчеркивают ее неудобство по сравнению с европейской, при всей ее живописности: «Их одежда убога. Она состоит из полос материи, небрежно сшитых между собой таким манером, что образуют некое подобие рубашки из грубой ткани, доходящей до колен и стянутой в талии поясом. Самые богатые добавляют к этому облачению еще кусок ткани, выполняющий функции плаща. Дважды обернутый вокруг плеча он ниспадает на другую руку. Облаченные подобным образом и заметные издали, они имеют достаточно живописную внешность. Не думаю, что художники, уже с давних пор желающие, чтобы нация имела такой костюм, в котором люди походили бы на манекенов, не отдали бы предпочтения этой одежде перед европейской. Но она так плотно окутывает человека, столь тяжела и в то же время так мало обеспечивает ему соприкосновение с воздухом, что совершенно несовместима с температурами Европы и с подвижностью, необходимой для работы, занятий искусством и военных упражнений». Сразу после этого пассажа авторы делают вывод о том, что «французская одежда скроена для действий, а восточная позволяет только медленные и размеренные движения», подчеркивая, что французская не только удобна, но и изящна и, несомненно, превосходит восточную, что в совокупности с умениями и оружием французов производит большое впечатление на жителей Египта.

Обычаи арабов Синая описаны и в № 90 от 6 фримера IX года (27 ноября 1800 г.), где приводится письмо члена комиссии по наукам и искусствам минеролога М. Розьера, который путешествовал с их ка-

раваном. Розьер удивляет то, как размещаются эти арабы во время стоянки: «Все племена и даже отдельные части этих племен разбивали лагери обособленно, каждый лагерь подразделялся на маленькие отряды из семи-восьми арабов, располагавшиеся вокруг огня, и занятые все вместе приготовлением того, что было им необходимо, дабы идти до [следующей] остановки в понедельник». Очевидно, француза поразила эта общность. Отмечается, что приготовление хлеба является для них главным делом во время стоянки, поскольку они питаются только им и бобами во время путешествия. Розьер отмечает, что арабы этих племен «мало привязаны к обрядам религии мусульман, многие из них не знают Корана и даже имени Магомета; хотя, быть может, при более близком знакомстве мы бы и обнаружили у них какие-либо тайные познания». Он подробно описывает их простую одежду («они почти все одинаково одеты и вооружены: главный предмет их облачения — длинное и очень широкое платье с вырезом впереди и без рукавов, лишь со сделанными у плеч отверстиями, через которые просовываются руки») и обувь («их обувь состоит из куска кожи буйвола, которой они грубо придают форму подошвы и которую привязывают к ноге двумя маленькими ремешками»), а также отмечает, что они очень доброжелательны по отношению к французам. В этом пассаже автор также всячески подчеркивает, что эти племена благодарны Бонапарту и французам за обеспечение безопасности их торговли.

Любопытно описание церемонии заключения мира у арабов. В № 21 от 25 февраля VII года (15 декабря 1798 г.) рассказывается о перемирии между арабским племенем Биллис (Billis) и французами. Когда договоренность о мире была достигнута и французы пригласили шейха племени на обед, он преподнес Бонапарту хлеб, от которого отломил кусочек и съел. По словам автора заметки, «этот акт рассматривается арабами как согласие на мир и гарантия искренности. Мы отметили торжественность, с которой он говорил и действовал на протяжении всего времени, пока выполнял свою дипломатическую миссию, и его быстрый переход к обычной манере общения, как только он получил гарантии мира. Немецкий советник, который имел честь представлять в Регенсбурге дюжину князей Священной Римской империи, не был большим формалистом [в соблюдении церемоний], чем этот бедуин».

По-видимому, случай с этим же шейхом описывается в № 116, где речь идет о перемирии между Бонапартом и шейхом племени арабов, закрепленном обрядом с хлебом. В этом пассаже отмечается, что шейх сел за стол с французами и пользовался ножом и вилкой, и, хотя он был мало приучен к такой манере есть, это ни разу не вызвало у него затруднений. Говорится также о большом уважении египтян к хлебу и соли

и сообщается, что «они клянутся друг другу в верной дружбе хлебом и солью».

В № 41 от 30 вандемьера VIII года (22 октября 1799 г.) описывается другое племя арабов, Джеуабис (Geouabis), обитающее в долине озера Натрон. Это «пастушье доброжелательное племя», по мнению Андреосси, впечатления которого и приводятся в этом выпуске газеты, «наиболее полно сохранило обычаи старины: это просто пастухи, которые не хотят ничего выращивать. Их мягкие нравы несут на себе отпечаток жизни, которую они ведут: им неведомы бури страстей, за исключением, однако, любви, которая во всех странах и особенно у восточных людей, столь тесно граничит с ревностью. Зачастую она их доводит до весьма жестоких крайностей». В качестве примера рассказывается история уважаемого старика, у которого много лет назад сын был из ревности убит другим мужчиной.

В № 110 от 20 жерминаля IX года (10 апреля 1801 г.) помещен отрывок из заметки инженера Ж.-М. Дюбуа-Айме⁷⁵ об одной из долин около Кусейры⁷⁶, рассказывающий о кочевом племени Аббабд (Abbadbes). Сообщается, что члены племени носят длинные волосы, не надевают тюрбанов, их кожа очень темная, по религии они мусульмане, но обрядов не соблюдают; их родной язык не арабский, а какой-то другой. Дюбуа Айме отмечает, что это племя воинов, презирающих земледельцев, что они ездят исключительно на верблюдах и зачастую вступают в схватки с другим племенем — Антуни. Он отмечает, что среди Аббабдов царит равенство, поскольку он видел, как простой член племени спорил с шейхом, и описывает их обычай хоронить умерших, покрывая их тела камнями. Дюбуа Айме делает предположение, что это племя происходит от древних кочевников, которые владели этими землями в далекие времена и которых описывали еще древние авторы, поскольку у этих кочевников был тот же обычай захоронения. Вообще, как видно, во многих пассажах *Courrier* подчеркивается, что обычаи современных жителей Египта берут свое начало еще в глубокой древности.

При описании нравов в *Décade* также подчеркивается древность обычаев современных египтян и преемственность между ними и их предками. Так, в заметке про путешествие по западному берегу Нила от Каира до Сиута В.Р.М. Серезоль⁷⁷ (Ceresole) отмечает, что, «догмы древних египтян, которые хотели, чтобы жизнь была не чем иным, как переходом

⁷⁵ 75 Жан Мари Дюбуа-Айме (1779–1846) был инженером по строительству мостов и дорог в период Египетской экспедиции, участвовал в исследовании Верхнего Египта.

⁷⁶ 76 Город на побережье Красного моря.

⁷⁷ Венсан Робер Мари Сесероль (1773–1800) — медик Восточной армии, умер от чумы в Александрии.

в долгое будущее существование, сном, который вел к пробуждению в вечности, кажется, сохранились и у их потомков»⁷⁸. В письме генерала-адъютанта Л.Ж.В. Жюльена де Бидона⁷⁹ члену Института Египта Э. Жоффруа Сент-Илеру, автор сообщает о том, как французские войска захватили одного из местных жителей, сочтя его шпионом мамлюков⁸⁰. Чтобы доказать свою невиновность египтянин поднял полы одежды и взял в руки свой пенис — что являлось символом клятвы в невиновности. «Его физиономия, казалось бы, говорила мне — после этой страшной клятвы, которую я принес, чтобы доказать вам свою невиновность перестаньте же сомневаться! — комментирует Жюльен и проводит параллель с древними временами, — его жест напомнил мне, что во времена Авраама клялись в правдивости своих слов, возлагая руку на детородные органы»⁸¹. Более того, Жюльен, очевидно, считает, что египтяне не просто сохранили обычаи древности, но и остались на том же уровне развития, что в древности: «Чем больше мы изучаем нравы этих *полудиких* (курсив мой — *Е.П.*) людей, тем понятнее становится история Ветхого завета: те события, что рассматривались некоторыми европейцами как невероятные, поскольку были для них всего лишь нелепицей, получают простое объяснение, и герои Моисея обретают свою истинную значимость»⁸².

Жюльен вообще подчеркивает, что нравы египтян зачастую не соответствуют европейским понятиям о приличиях и нормах поведения. Для него это явно служит свидетельством превосходства европейцев: «Они [египтяне] кажутся исключительно жестокими в нравах по отношению к своим женам и дочерям и без особых колебаний демонстрируют вещи, которые мы прядем с величайшим старанием; излишне непристойные песни, слишком возмутительные танцы являются любимыми развлечениями, которые степенный мусульманин позволяет себе в стенах своего дома»⁸³. То есть в статье Жюльена образ жизни местного населения характеризуется не только как патриархальный, но и как непристойный и «полудикий».

В статье другого участника экспедиции, медика Ренати, посвященной состоянию медицины в старом Каире, также содержатся замечания об обычаях египтян. Эта статья примечательна тем, что описывает именно столичных жителей, в отличие от многих пассажей в *Courrier*, где говорилось об образе жизни и обычаях отдельных племен. Ренати уделяет

⁷⁸ La Décade Égyptienne. Vol. 1. P. 116.

⁷⁹ Луи Жозеф Виктор Жюльен де Бидон (1764–1839) — генерал-адъютант, глава штаба дивизии генерала Ж.-Л. Ренье, затем комендант Розетты при Мену.

⁸⁰ Ibid. P. 64.

⁸¹ Ibid. P. 64–65.

⁸² Ibid. P. 65.

⁸³ Ibid.

внимание внешнему виду египтян, отмечая, что они носят черные или голубые тоги, длинные бороды, большие тюрбаны на голове и имеют «вид гордый и величественный»⁸⁴, мощную комплекцию, высокий рост, черные и живые глаза, белые зубы и громкий голос. С описанием столь здорового тела жителя Египта контрастирует изображение его личных качеств: «Кажется, будто он сообщает, что живет в стране здоровой, но несвободной: он раболепен, хитроумен, лжив и труслив». Подобные качества и вялое поведение египтян («житель Египта трудолюбив, но не активен») Ренати связывает с правителями-узурпаторами и религией, полной предрассудков. Что касается женщин Египта, то, по мнению Ренати, их черты лица мягки, но «лишены нежности и выразительности», их тела гибки, манеры приятны, но «они далеко не имеют грации и шарма наших европейских женщин». Также он отмечает, что жители Египта «очень подозрительны и любознательны»⁸⁵.

В *Décade* приведена более подробная статья Андреосси об арабах и бедуинах, обитающих в долине озера Натрон. Он пишет об обычае кровной мести как о дикости, считая его пережитком прошлого: «При отсутствии норм уголовного права и судей, которые могли бы их исполнять, преступление осталось бы безнаказанным, если бы убийство не выполняло функцию акта общественной власти; и тогда, то, что мы рассматриваем как преступление или зло, становится законным возмездием — то, что родственники убитого преследуют [родственников убийцы] поколение за поколением»⁸⁶. Кроме того, он отмечает некоторые особенности жизни племен, которые, очевидно, воспринимаются им как предрассудки или отсталость: слабое вооружение, способ лечения больных с помощью заклинаний, отсутствие письменной фиксации рождений, из-за чего год рождения человека привязывается к каким-либо событиям в стране.

Как видим, население Египта во французской прессе изображалось стоящим на более низкой, чем европейцы, ступени развития, а его обычаи и нравы архаичными и «дикими».

* * *

Французские ученые много путешествовали по Египту, описывая памятники древности в разных уголках страны. Для изучения монументов Древнего Египта были даже созданы две специальные комиссии. В результате, в *Courrier* появлялось множество заметок, отрывков из писем и отчетов о разных памятниках Древнего Египта.

⁸⁴ Ibid. Vol. 2. P. 185.

⁸⁵ Ibid. P. 186.

⁸⁶ Ibid. P. 115.

Несомненно, французские ученые считали цивилизацию древних египтян очень развитой и с сожалением отзывались на страницах газеты о том, что язык ее утерян. В сообщении о находке Розетского камня высказывалась надежда на то, что он, возможно, станет ключом к пониманию иероглифов⁸⁷. Отмечались обширные познания древних египтян в астрономии⁸⁸, химии⁸⁹, а в № 104 от 6 вантоза IX года (25 февраля 1801 г.) говорилось о них как «людях, которые заложили основы искусства и науки и научили им последующие поколения». Но, утверждалось автором заметки, многие знания были утрачены, и современный Египет, в его разрушенном состоянии, существенно уступает древнему. Как отмечается в письме Г.Ж. Шаброля де Вольвика⁹⁰, опубликованном в № 38 от 6-го дополнительного дня VII года (22 сентября 1799 г.), ему после посещения остатков Антиной в голову пришла «идея о превосходстве древних над нами». Сами древние монументы вызывали живое восхищение французов. В № 47 от 10 фримера VIII года (1 декабря 1799 г.) приводилось письмо Пюнье (Pugnet) с такими оценками: «Что в великих памятниках Древнего Египта вызывает восхищение, так это основательность конструкции, большие размеры, величие форм, богатство деталей, которыми они покрыты и которые свидетельствуют о совершенстве, коего тогда достигли искусства».

В № 74 от 27 мессидора VIII года (16 июля 1800 г.) были опубликованы стансы Шамбо, посвященные пирамидам, где воспевалось их величие. В то же время сообщалось, что современные египтяне зачастую относятся к памятникам древности неуважительно и обыскивают их в надежде обнаружить золото⁹¹. Сами французы осознавали значимость изучения Древнего Египта, и на страницах газеты часто говорилось о том, что необходимо исследовать его памятники, дабы открыть Европе эту цивилизацию⁹² и, более того, провести инвентаризацию всех находок, создав государственный реестр⁹³.

В *Décade* даются не только более подробные описания памятников Древнего Египта, чем в *Courrier*, но и более пространственные рассуждения о значении этой цивилизации. В статье Андреосси, посвященной Манза-

⁸⁷ *Courrier de l'Égypte*. N 37. 29 fructidor VII an (1799.15 septembre).

⁸⁸ *Courrier de l'Égypte*. N 32. 26 messidor VII an (1799.14 juillet).

⁸⁹ *Courrier de l'Égypte*. N 59. 30 pluviôse VIII an (1800. 16 février)

⁹⁰ Гилбер Жозеф Шаброль де Вольвик (1773–1842) – инженер мостов и дорог в период Египетской экспедиции.

⁹¹ См. *Courrier de l'Égypte*. N 45. 27 brumaire VIII an (1799.18 novembre) и цитату из № 56 на стр. 28 выше.

⁹² *Courrier de l'Égypte*. N 36. 3 fructidor VII an (20 августа 1799.) № 54. 3 pluviôse VIII an (1800. 23 janvier).

⁹³ *Courrier de l'Égypte*. N 107. 24 ventôse IX an (1801. 15 mars).

ле, Египет назван «колыбелью наук и искусств»⁹⁴ и подчеркивалась роль египетских жрецов в собирании знаний и их письменной фиксации. Андеросси также отмечает, что Геродот путешествовал по Египту уже во время его упадка, когда страна находилась в печальном состоянии под управлением «военного правительства, схожего с мамлюкским»⁹⁵, и Египет подвергался разграблению банд из соседних стран, «как это происходит и до сих пор» — то есть проводилась параллель с современным автору состоянием Египта.

В отчете Н.-А. Нуэ (Noüet)⁹⁶ о географическом положении пирамид подчеркивались большие достижения египтян в наблюдении за звездами, а Египет признавался «колыбелью астрономии»⁹⁷.

В докладе Л. Костаза⁹⁸, прочитанном в Институте Египта и опубликованном в *Décade*, содержались, в частности, рассуждения о религии древних египтян. Он доказывал, на основании увиденных им на памятниках Египта барельефов, что древние египтяне совершали человеческие жертвоприношения. И хотя античные историки и даже многие современники Костаза считали иначе, тем не менее, по его словам, «непоследовательность и глупость тесно связаны с суевериями»⁹⁹, а потому и приношение в жертву животных не означает отсутствия человеческих жертвоприношений.

* * *

Итак, образ Востока, представленный на страницах издававшейся в Египте французской прессы, это — образ общества, отставшего в своем развитии от европейцев, где царят религиозные предрассудки, мешающие не только мирному существованию народов этой страны, но и ее развитию, где многовековая тирания лишила людей активности и затормозила прогресс. Соответственно, на фоне этого невежества французы представляли в исключительно выгодном свете. Образ богатой страны, благодарного местного населения, порочных и неудачливых противников — мамлюков и османов, который выстраивался периодическими изданиями Восточной армии, должен был убедить солдат в том, что их положение не так уж и плохо и вселить в них гордость за исполняемую ими цивилизаторскую миссию. *Courrier de l'Égypte* был практически единс-

⁹⁴ La *Décade Égyptienne*. Vol. 1. P.182.

⁹⁵ *Ibid.* P. 183.

⁹⁶ Николя Антуан Нуэ (1740–1811) — французский астроном и географ, в период Египетской экспедиции — главный инженер армии Востока, член Института Египта.

⁹⁷ *Ibid.* Vol. 3. P. 102.

⁹⁸ Луи Костаз (1767–1842) — французский геометр, входил в Комиссию по наукам и искусству и являлся членом Института Египта во время экспедиции.

⁹⁹ *Ibid.* P. 111.

твенным источником новостей для участников экспедиции, а потому, получив эту газету, разбросанные по всему Египту солдаты и ученые узнавали о том, что положение французской армии не так уж безнадежно, как им могло бы показаться.

Courrier и *Décade* рисовали образ явно отсталого местного населения. Не случайно многие обычаи современных египтян связывались с древностью, что «консервировало» страну в прошлом¹⁰⁰. Соответственно, так и не вставших на путь эволюции египтян надо было цивилизовать. Отсюда следовал вывод, что именно французы, пришедшие на берега Нила, где некогда процветала цивилизация Древнего Египта, должны возродить эту обильную страну. А потому на страницах прессы оккупанты представляли освободителями и просветителями, которых так долго ждали на Востоке и которым так рады египтяне.

¹⁰⁰ Выражение американской исследовательницы Наннет Ле Коат. В статье, посвященной сочинениям Вольнея и Савари, она утверждает, что сравнение обычаев современных египтян с обычаями древних греков открывает путь созданию культурных стереотипов: «попытки Савари облагородить современных ему египтян, сравнивая их с греками Гомера и библейскими людьми, в конечном счете, мифологизируют их, консервируя в далеком и статичном прошлом». Le Coat N. Allegories Literary, Scientific, and Imperial: Representation of the Other in Writings on Egypt by Volney and Savary // *The Eighteenth Century: Theory and Interpretation*. 1997. Vol. 38. № 1. P. 19.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>